

вания показывают, что интенсивное медийное освещение актов насилия может способствовать формированию уязвимых личностей, у которых возникают мысли о подражании. В частности, дети и подростки чувствительны к сообщениям о насилии, и могут интерпретировать их как возможность для реализации собственных агрессивных импульсов¹. Обсуждение таких инцидентов в медиа может привести к тому, что потенциальные преступники найдут в этом одобрение своих действий или представят расстрел, как способ привлечения внимания.

Таким образом, обширное освещение трагедий может не только вызвать «эффект подражания», но и усугубить психоэмоциональное состояние указанной категории. СМИ необходимо быть осмотрительными в освещении подобных трагедий, чтобы избежать намеренного поощрения насилия и обеспечить поддержку для тех, кто может оказаться под воздействием информационного потока. Освещение таких событий должно включать не только факты, но и конструктивное обсуждение способов предотвращения насилия, поддержки психического здоровья и создания безопасной среды для молодежи.

Комлев Ю.Ю.,

доктор социологических наук, профессор
Казанский юридический институт МВД России

ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ КОМПЬЮТЕРОВ, ЦИФРОВЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ К ЦИФРОВОЙ КРИМИНОЛОГИИ И ДЕВИАНТОЛОГИИ

Мир стремительно изменился в первой четверти XXI века. Российский социум, как и другие постиндустриальные общества, вовлечен в лабиринты четвертой технологической революции, основными социальными измерениями которой стали цифровизация и сетевизация всех сторон жизни и деятельности общества и человека. Интернет объединил не только миллионы пользователей по всему миру, но и необходимые им цифровые ресурсы, массу «умных вещей» (IoT).

Цифровые технологии преобразовали социальную структуру, изменили функционирование социальных институтов, создали новые формы социального взаимодействия и новые социальные практики. Движение к цифровому обществу – процесс прогрессивный, неотвратимый, но неоднозначный. С одной стороны, он стимулирует позитивные социальные сдвиги. В хозяйственной деятельности исключается рутинный бумажный документооборот; ускоряются все технологические процессы; повышается производительность труда, прибыль; минимизируются издержки, обеспечивая простоту и точность в предоставлении и получении услуг и товаров; снижается влияние ошибок, связанных с «человеческим фактором».

Цифровизация и сетевизация создали практически неограниченные возможности для удаленного общения, открыли новые сферы для самовыражения и саморазвития личности, для развлечений и обучения при чтении, просмотре и прослушивании контента. Колоссальные возможности создали цифровые технологии для продвижения бизнеса, организации интернет-торговли и других форм заработка, получения множества цифровых услуг. Цифровой мир лучше обеспечил права человека на свободу выражения мнений и свободу доступа к информации. Не случайно Мануэль Кастельс предрек, что с развитием социальных сетей и онлайн-сообществ «дух свободы выпущен из запечатанной бутылки медиа, и эта свобода оказывается доступной людям во всем мире»².

Однако, с другой стороны, цифровизация и сетевизация создали и создают немало социальных проблем. Социологи все чаще обращают внимание на негативные аспекты цифровых преобразований в социуме. Среди них в первую очередь заявляет о себе феномен цифрового социального неравенства, состоящий в разрыве уровней образования между людьми (в обладании цифровыми компетенциями), в неравных условиях доступа к

¹ Peter Langman. Different Types of Role Model Influence and Fame Seeking Among Mass Killers and Copycat Offenders // American Behavioral Scientist. 2014. Vol. 62. P. 10-12.

² Кастельс М. Власть коммуникации : учебное пособие / пер. с англ. Н. М. Тылевич ; пер. с англ. предисл. к изд. 2013 г. А. А. Архиповой ; под науч. ред. А. И. Черных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 4-е изд. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023.

цифровым услугам и продуктам. Цифровое социальное неравенство служит новым индикатором для обозначения взаимосвязи социального неблагополучия определенных групп общества с отсутствием доступа к цифровым технологиям. Эта проблема актуальна для представителей бедных и малообеспеченных социальных групп, либо людей, живущих в отдаленных регионах, где нет Интернета, а также для лиц с ограниченными возможностями.

Кроме того, в цифровой экономике неизбежна компрессия рынка труда, поскольку уже в недалеком будущем не нужны будут многие массовые профессии: водители, продавцы и клерки, занятые рутинной, поддающейся цифровой автоматизации. Все эти люди, как жертвы вынужденной безработицы, могут стать девиантами, адаптируясь соответствующим образом (как правило, в форме ретретизма или «бегства от действительности») к новым цифровым условиям на рынке труда.

Сетевые ресурсы и медиа создаются разработчиками, интересы которых определяются корпоративными собственниками, а не обычными пользователями. Отсюда неумеренное, патологическое стремление цифровых корпораций – гигантов ИТ-индустрии (Google, YouTube, Samsung Electronics, Apple, Amazon, Facebook, Sony, Яндекс и др.) к извлечению прибыли, наживы в рамках цифровой экономики, что нередко сопряжено с нарушением и даже разрушением социальных и правовых норм сомнительным контентом. Перевод личной и конфиденциальной информации в цифровую форму создает невиданную ранее зависимость человека от того, кем, как и где хранятся, используются его данные.

Процессы тотальной цифровизации и сетевизации в первой четверти XXI века породили социальный запрос на развитие социальной науки о цифровом социуме. В мировом и отечественном социологическом сообществе все чаще задаются вопросами о том, как интернет, цифровые технологии и новые способы высокотехнологичной коммуникации влияют на жизнь и социальные практики людей. Количество социологических исследований в области «цифрового сдвига» стремительно нарастает, о чем свидетельствуют тематические научные публикации и конфе-

ренции. Чем больше используются людьми цифровые технологии, тем большее значение приобретают социологические исследования социально-цифровых феноменов.

Цифровые технологии и социальные сети, последствия их внедрения стали предметом социологического осмысления и анализа (макро-, мезо-, микроуровня), что изменило и саму социологию, способствовало быстрому развитию ее новой цифровой отрасли. Нейл Селвин, выражая позицию цифровых социологов, подытожил, что «современное общество лучше понимать как сплетение человечности, материальности и дигитальности»¹. В 2009 г. в англоязычном дискурсе в научный оборот впервые вводится термин «digital sociology» («цифровая социология»). Труды «цифровых социологов» (Нх. Маррес, С. Хэлфорд, Х. Кеннеди, К. Ортон-Джонсон, К. Грегори, Д. Дэниэлс, Т. Стэм, Т. Макмиллан Коттом, Д. Лаптон, Д. Фаррелл, Дж. Петерсон, М. Карриган, Э. Хэад, Х. Дэвис, Г. Страттон, А. Пауэлл, Р. Кэмерон, О.В. Крыштановская, М.В. Кибакин, С.А. Гришаева, В. Ф. Ницевич, А.П. Климович, Д.Е. Добринская, М.М. Назаров, А.В. Смирнов, А.А. Деревянченко, Т.Ф. Кузнецова и др.) анализируются феномены «цифрового общества», социальные эффекты и проблемы цифрового мира, создаваемые интернетом и социальными сетями. С 2019 г. в России начал издаваться журнал «Цифровая социология».

Многие интернет-исследования наряду с проблематикой социального неравенства и компрессии рынка труда затрагивают вопросы девиантзации и виктимизации интернет-пользователей. Дэбора Лаптон – один из ярких исследователей интернета – в структуре цифровой социологии выделяет цифровые практики, состоящие в использовании цифровых инструментов для создания платформ, социальных сетей, электронных портфолио, онлайн-профилей. Она критически анализирует использование цифровых технологий, показывает их ключевую роль как в контексте воспроизводства социального цифрового неравенства, так и кибердевиантности, совершения киберпреступлений и цифровой виктимизации.

Контент-анализ публикаций в ведущих социологических и криминологических журналах показывает, что наибольший интерес

¹ Подр.: Комлев Ю.Ю. От цифровизации социума к киберпреступности, кибердевиантности и развитию цифровой девиантологии // Российский девиантологический журнал. 2022. № 2(1). С. 17-26.

зарубежные и отечественные исследователи проявляют к изучению трансформации «старых» и «новых» цифровых форм преступности. Происходит, как пишет Я.И. Гилинский, ««переструктуризация» преступности, когда преступления в цифровом мире теснят «обычную», «уличную преступность» (street crime)»¹. Более того, в цифровом мире происходит переход от компьютерного хулиганства и других девиаций, преступлений против компьютеров и компьютерных систем, запущенный в начале века, к массовым преступлениям против пользователей интернета и социальных сетей, цифровых платежных систем и абонентов сотовой связи. С учетом этих изменений современную киберпреступность можно определить как множество проявлений негативной кибердевиантности, состоящих в нарушении уголовно-правовых запретов с использованием компьютеров, смартфонов, цифровых технологий и обращенных против компьютерных систем, социальных сетей и их пользователей. Расширяется палитра компьютерной девиантности и преступности. Среди новых проявлений девиантности следует выделить такие, как сетевая зависимость с утратой навыков реального общения, бегство от действительности (искейперство), киберлудомания, виртуальные сексуальные домогательства и насилие, компьютерная педофилия, запугивание и киберпреследование, интернет-торговля наркотиками, пропаганда ненависти и распространение экстремистских идей, фишинг простаков и вовлечение их в террористическую деятельность или в финансирование неприятеля на фронтах СВО.

По данным МВД РФ, в стране в 2024 г. доля преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, составила 40% от общего числа зарегистрированных преступных деяний, что на 13,1% больше, чем в предыдущем году.

Ответы на продолжающийся рост киберпреступлений и других кибердевиаций ищет зарубежная и отечественная наука. В последнее время проводятся многочисленные интернет-исследования, растет количество публикаций и научных конференций на тему цифровизации и кибердевиантности, формируются новые предметные области на стыке наук об обществе, праве, человеке, IT-технологиях.

Обобщение опыта исследований кибердевиантности показывает, что явно просматривается вектор на интеграцию не только юридических, социальных, психологических, но и технологических знаний. Альянс правоведов-криминологов, девиантологов и IT-специалистов свидетельствует о преимуществе методологической триангуляции в сочетании с алгоритмами обработки «big data» при изучении преступности и девиантности в киберпространстве.

Полипарадигмальность, теоретический синтез, интегративность, стирающие или перестраивающие межпредметные границы, особенно заметны в зарубежной девиантологии и криминологии (Ш. Браун, М. Яр, К. Хейворд, Г. Барак, Г. Страттон и др.). Например, гибридный подход, обозначенный Ш. Браун, позволяет учитывать роль цифровых технологий в широком спектре правонарушений и виктимизации; сетевого опыта в совершении преступлений; online-маргинализацию по признакам пола, возраста, этничности; состояние и динамику цифрового неравенства и другие социоструктурные и процессуальные факторы. Закономерный спрос на интегративный подход, междисциплинарные исследования преступности с использованием возможностей, дополняющих друг друга теорий и методологических принципов, отмечают и отечественные криминологи.

Ряд основательных работ в предметном поле цифровой криминологии подготовлены В.С. Овчинским, Я.И. Гилинским, Т.М. Судаковой, В.А. Номоконовым, Я.Г. Ищуком, Т.В. Пинкевич, Е.С. Смольяниновым, А.П. Суходоловым, М.А. Калужиной, Б.А. Спасенниковым, В.С. Колодиным, С.В. Максимовым, Ю.Г. Васиным и другими авторами. Весьма существенный вклад в развитие цифровой криминологии сделан В.С. Овчинским. Он первым обосновал и структурировал цифровую криминологию как самостоятельную науку, проанализировал киберпреступность, кибертерроризм, киберэкстремизм и другие девиации цифрового мира, предложил пути их профилактики, противодействия, в том числе средствами цифрового социального контроля.

Цифровая девиантология создает для интеграции знаний из различных областей науки и практики теоретико-методологи-

¹ Гилинский Я.И. Девиантность в цифровом мире // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Выпуск 4. СПб., 2018. С. 182-190.

ческий фрейм, что позволяет исходя из принципа дополнительности формировать более адекватную картину причинности и взаимосвязи различных проявлений кибердевиантности в новом цифровом мире. Цифровая социология привнесла в девиантологию ценный опыт бесконтактных интернет-опросов, необходимых для использования в целевых группах преступников, экстремистов, наркопотребителей, проституток, представителей сексуальных меньшинств и других девиантов, то есть среди тех, кто не идет на общение с исследователями лицом к лицу. Социологами-эмпириками для изучения цифровых девиаций широко используется анализ нарративов в сетевых дискурсах и другие качественные методики. Наряду с количественными и качественными социологическими методами в интернет-исследованиях к сбору и обработке цифровой информации исследователи «подключают» математические методы, знания IT-специалистов, вычислительные алгоритмы и аналитику «big data». В структуре таких данных могут быть сведения о наличии судимости, административных

правонарушений, нахождения в розыске, информация об участии в различных сообществах и другие структурированные и неструктурированные материалы из официальных и неофициальных источников, в том числе социальных сетей. Так, например, поступают британские криминологи М. Уильямс и П. Бернап, изучающие терроризм, преступления ненависти и «триггерную» преступность.

Во фрейм цифровой девиантологии легко включаются понятия и непротиворечивые положения из цифровой социологии, цифровой криминологии, культурологии, психологии, теории массмедиа, юриспруденции и других наук, в том числе математических, а также методологические приемы и алгоритмы, позволяющие собирать и обрабатывать формализованные и неформализованные данные из цифровых источников. Развитие цифровой девиантологии – закономерный результат прогресса в цифровой социологии и криминологии, в других областях знания о девиантности и контроле над ее проявлениями в цифровом мире.

Овсянников П. Ю.,

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

С развитием цифровых финансовых технологий и увеличением использования криптовалют центральные банки во многих странах мира начали рассматривать возможность внедрения собственных цифровых валют¹. Российская Федерация не осталась в стороне. В 2021 г. Центральным банком России представлена Концепция цифрового рубля, а в 2023 г. запущен пилотный проект по внедрению цифрового рубля.

1 августа 2023 г. вступил в силу Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который внес изменения в федеральные законы «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», «О банках и банковской деятельности», «О национальной платежной системе», «О валютном регулировании и валютном контроле», «О несостоятельности (банкротстве)», «Об исполнительном произ-

водстве», «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Изменения в указанных законах коснулись отношений, связанных с цифровым рублем.

Отдельно от цифрового рубля отношения по поводу обращения цифровой валюты в Российской Федерации урегулированы Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данный закон устанавливает основные понятия, связанные с цифровыми активами, и определяет полномочия регуляторов. К цифровой валюте закон относит совокупность электронных данных, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации,

¹ CBDC – Central Bank Digital Currency (цифровая валюта центрального банка).